

АНАЛОГИЯ КАК ФАКТОР ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ

Значение аналогии как одного из важнейших принципов организации языка и источника языковых изменений было понято еще во времена александрийских грамматиков. Проблемы аналогии активно разрабатывались и младограмматиками: например, Г. Пауль характеризовал новообразование по аналогии как решение пропорционального уравнения¹. Являясь мощным фактором языковой эволюции, аналогия пронизывает все уровни языка. Ее созидательная роль отмечается в фонологии, словозменении и словообразовании, в лексике и синтаксисе, в нормативно-стилистических изменениях, а также в области индивидуальной речи — в закономерностях овладения родным и неродным языками. Так, действием смысловой и синтаксической аналогии объясняется значительное количество новых сочетаемостей, в том числе несвободных², «разрушительное» влияние структурно-семантической аналогии оказывается источником многих речевых контаминаций и неправильностей³. Роль аналогии в динамике языка диалектически противоречива: с одной стороны, она вызывает к жизни множество инноваций, с другой — ее действие сказывается в «давлении» системы, способствующем устойчивости, определенной консервативности языка.

Выделение аналогии как фактора фразеологического словообразования связано с признанием моделированного характера фразеологических оборотов (далее ФО), которое в современной лингвистике становится аксиоматичным, несмотря на различные подходы к понятию «модель»⁴. Вывод о существовании моделей в сфере фразеологии — неизбежное следствие фразеологического анализа. При синхроническом подходе (Соссюр, например, подчеркивал синхроничность самого механизма аналогии: «аналогия — явление целиком... синхроническое»⁵), при отвлечении от разнообразных структурно-семантических связей ФО с инвариантной моделью понятие фразеологической модели, на наш взгляд, вполне соотносимо с понятием словообразовательного типа в словообразовании. В таком случае аналогия как фактор фразеологического словообразования представляет собой подражание образцу, являющемуся конкретным представителем сложившейся модели, в том числе модели, представленной единичным образцом. В отличие от вторичной фразеологической деривации, использующей исходный ФО в качестве деривационной базы для создания новой единицы и развивающей его образ и значение (как, например, ФО *горячая война* в противоположность ФО *холодная война*), при образовании по аналогии исходный ФО не участвует в производстве новой единицы, а служит лишь образцом для подражания, актуализируя в сознании говорящих свои формальные и смысловые структуры и побуждая говорящих использовать эти структуры при необходимости образовать новый ФО.

Анализируемый материал⁶ демонстрирует более двух десятков моделей-образцов, по-разному семантически сближенных с новообразованиями: 1) новый ФО и модель входят в одну тематическую группу; 2) новый ФО и образец являются синонимами; 3) новый ФО и образец имеют аналогичные межкомпонентные семантические отношения; 4) при наличии постоянного лексического члена новый ФО и образец имеют сходный характер переосмысления переменных членов. Непременным условием образований по аналогии в сфере фразеологии является следование структуре образца, в большинстве случаев (в нашем материале) сочетающегося с заимствованием лексического компонента модели. Таким образом, аналогия в области фразеологического словообразования является структурно-семантической. Рассмотрим некоторые конкретные примеры образования моделированных фразеологизмов.

I. Одной из самых продуктивных является модель, соответствующая по структуре беспредложному присубстантивному примыканию родительного падежа, выражающего разнообразные виды определительного

значения (определение по назначению, функции; определение по наличию; собственно определительное). Для этой модели характерно повторение опорных знаменательных слов. Так, одной из представительниц такой модели является активно развивающаяся в 60—80-е гг. и возникшая по аналогии с наименованиями различных календарных дат (*День Конституции, День танкиста, День учителя* и т. д.) модель **День (дни) + (прил.) + сущ. в р. п.**: *День права* (СМ-78), *День депутата* (СМ-79), *День молодого рабочего* (СМ-80), *Дни «Литературной газеты»* (СМ-81), *День бегуна* (СМ-82), *День туризма* (СМ-82) и мн. др. Продуктивность модели (в нашем материале насчитывается 42 новые единицы) привела к четкой формулировке и фиксации в СМ-81 нового значения лексемы *день*: *День, дни чего-либо* — 'разовое или традиционное (культурно-массовое, общественное, политическое) мероприятие, осуществляемое в течение одного или нескольких дней подряд'. Отметим, что многие фразеологизмы такого типа по происхождению являются кальками, в том числе интернациональными (*День земель* — Палестина, *День профсоюзных действий* — Англия, *Международный день театра...*), что говорит о межъязыковой аналогии.

Другими представителями этой модели являются сочетания, в которых в качестве постоянных лексических членов выступают лексемы *неделя, дом, цех, эффект* и др.: *Неделя открытых дверей* (СМ-81), *Дом новосела* (СМ-78), *Дом животновода* (СМ-81), *цех здоровья* (СНСЗ-84), *эффект присутствия* (СНСЗ-84), *эффект снежного кома* (СМ-80) и т. д.

II. Структурно иную модель представляют собой не менее распространенные сочетания, в которых с постоянным лексическим членом (именем существительным) согласуются переменные члены (имена прилагательные), имеющие сходный характер переосмысления. Так, СМ-79-82 фиксируют 10 единиц модели **прил. + война**: *автомобильная война, рыболовная война, электронная война, стальная война, комплексная война* (калька с англ.). Первые компоненты данных единиц переосмыслены метонимически, а лексема *война* во всех слухах выступает в словарном переносном значении (2-ое значение по СЕ⁷) 'состояние вражды; борьба с кем-л., чем-л.': *автомобильная война*, напр., означает 'острую конкурентную борьбу автомобильных компаний за рынки сбыта'; значение *ФО тунцовая война, рыболовная война, рыбная война* определяется следующим образом: 'о взаимных неудовольствиях, столкновениях, вызванных нарушением морских границ рыболовными судами'.

III. Такую же структуру имеет модель **прил. из группы цветообозначений либо обозначений качества материала + сущ., называющее часть (деталь) одежды (в частности, головной убор)**. Так, *ФО зеленые береты* (СНСЗ-84, впервые фиксируется в 1966 г.) 'об особых частях и подразделениях в вооруженных силах США — командос' стал образцом для возникновения группы единиц, идиоматизация которых обусловлена регулярным метонимическим переносом 'часть одежды' — 'человек в такой одежде': *черные береты* (СМ-80), *красные береты* (СМ-82), *голубые каски* (СМ-78), *медные каски* (СМ-80). Эта же модель и в калькируемых единицах *синие воротнички* и *белые воротнички* (СНСЗ-84).

IV. Новообразования по аналогии представлены и глагольно-именными *ФО*, хотя количественно они уступают субстантивным. Словосочетанию с предложным слабым управлением (управляемая форма — вин. п. с предлогом *в*) соответствует структура *ФО*, образованных по модели глагол со значением 'производить, извлекать звук' + **во все + сущ. в вин. п. мн. ч., означающее 'наименование предмета (музыкального инструмента), из которого извлекается звук'**: *дудеть во все трубы, стучать во все барабаны* (СМ-81). Данные *ФО* созданы по аналогии с синонимичными *звонить во все колокола, трубить во все трубы* (СЕ) и имеют значение 'широко оповещать о грозящей опасности'.

V. Синтаксической структуре глагольно-именного словосочетания соответствуют некоторые фразеологизмы каламбурного характера, модель которых представляет собой «разложение» глагола на два компо-

нента: «лжеоднокорневое» с глаголом существительное (смысловый центр ФО) и формальный компонент ФО (глагол). С этой точки зрения новая фразеологическая перифраза *дрожжи продавать* (СМ-81) 'испытывать сильное чувство страха; дрожать от страха' (каламбурное псевдоэтимологическое сближение *дрожать — дрожжи*) аналогична ФО *жданки проесть* 'ждать', *здать храпака* 'всхрапнуть'⁸.

VI. Среди моделированных ФО без заимствованного из образца постоянного лексического члена выделяется группа так называемых фразеологизмов-тавтологизмов. Наиболее распространенной является модель **падежные формы в двупадежных примыкающих группах с одним и тем же именем**, реализующаяся в следующих конкретных представителях: 1) **предл.-пад. форма им. суш. в р. п. с определительным значением с предлогом от + предл.-пад. форма им. суш. в р. п. с определит. значением с предлогом до**: *от двери до двери* (СНСЗ-84), *от горизонта до горизонта* (СМ-77), *от звонка до звонка* (СНСЗ-84), *от гимна до гимна* (СМ-82), *от росы до росы* (СМ-81) (аналоги — *от зари до зари*, *от темна до темна*, *от петухов до петухов* и т. п.); 2) **имя суш. в в. п. без предлога + предл.-пад. форма им. суш. в в. п. с предлогом в**: *голова в голову* (СМ-80), *рубль в рубль* (СМ-78), *колесо в колесо* (79) (аналоги — *тюфелька в тюфельку*, *точка в точку*, *рука в руку*).

VII. Сходной моделью является модель **падежные формы в двупадежных примыкающих группах с контекстуально противопоставленными именами**: *от нуля до ключа* (СМ-79), *от нуля до крыши* (СНСЗ-84), *от маковки до корешка* (СМ-82).

Характерными чертами ФО типа *от звонка до звонка* и *от маковки до корешка* являются семантическое равноправие компонентов, фиксированный порядок их расположения, неизменность грамматических форм существительных в составе таких оборотов, а также эквивалентность лексико-грамматического значения и синтаксических функций ФО наречию.

Таковы лишь некоторые примеры проявления аналогии в сфере фразеомообразования. В целом структурно-семантическая аналогия является активным способом создания новых ФО: около 9 % всех ФО в словарях и словарных материалах повой русской лексики создано с помощью аналогии (это превосходит количество ФО, созданных в результате вторичной фразеологической деривации). В результате фразеомообразования по аналогии возникают в основном идиоматичные и при этом малоустойчивые ФО различных синтаксических структур. Как и всякое новообразование, такие ФО первоначально возникают и испытываются в речи, будучи импровизацией одного из говорящих, т. е. носят индивидуально-авторский характер, и лишь затем могут удержаться (или не удержаться) в языке. Это важно подчеркнуть и потому, что большинство новообразований по аналогии в рассмотренном материале — принадлежность публицистики. Дальнейшую их судьбу решит время.

¹ См.: Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 132.

² См.: Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966.

³ См.: Золотова Г. А. О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и наука. М., 1974.

⁴ См.: Мокненко В. М. Славянская фразеология. М., 1989. С. 49—50.

⁵ Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 200.

⁶ Материалом служат ФО, извлеченные из следующих источников: Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1973 (СНСЗ-73); Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984 (СНСЗ-84); Новое в русской лексике: Словарные материалы-77. М., 1980 (СМ-77); Новое в русской лексике: Словарные материалы-78. М., 1981 (СМ-78); Новое в русской лексике: Словарные материалы-79. М., 1982 (СМ-79); Новое в русской лексике: Словарные материалы-80. М., 1984 (СМ-80); Новое в русской лексике: Словарные материалы-81. М., 1986 (СМ-81); Новое в русской лексике: Словар-

ные материалы-82. М., 1986 (СМ-82); Новое в русской лексике: Словарные материалы-83. М., 1987 (СМ-83).

⁷ СЕ — Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981—1984.

⁸ См.: Мокриенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989.

В. В. ИВАНИЦКИЙ

ОБ АСПЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДЕЙСТВИЯ НА УРОВНЕ ПРЕДИКАТОВ

На уровне предикатов аспектуальная семантика соотносится с ситуациями, включающими в себя хронотопные координаты. Выделим следующие типы ситуаций (высказываний): экзистенциальные, процессные и событийные¹.

В экзистенциальных ситуациях устанавливается, фиксируется существование предмета, обладающего теми или иными признаками и свойствами. Экзистенциальные ситуации распределяются на следующие подтипы: 1) бытийная ситуация, 2) квалификативная, 3) идентификативная, 4) классификативная и 5) характеризующая ситуации.

Бытийные высказывания отражают ситуацию, в которой осуществляется простая констатация существования (несуществования) предмета. Аспектуальная характеристика предиката в таких высказываниях, соотносимых с предметно-логической сферой обобщения, практически может быть сведена к нулю. Например: Редкие звезды, ослабленные желтоватым светом луны. Теплый степной ветерок. Силуэты акаций. Ограды дач. Звуки перепелов. Тишина. Далекий лай собак. Время от времени крик ослика. Серебристо-пыльная полынь, ее неповторимый ночной запах (В. Катаев). Обстоятельство кратности в предложении «Время от времени крик ослика», так оживляющее, благодаря своей семантике, общую картину описания, не может быть в данном случае охарактеризовано как средство аспектуальности, поскольку здесь важен факт присутствия крика животного, а не произведения этого крика, ср.: Время от времени **кричит** ослик.

«Ситуация бытия предшествует логически всякой иной ситуации: прежде чем говорить о каком-либо предмете, следует допустить его существование (или несуществование). Поэтому границы бытийных предложений нечетки, они легко переходят в предложения других семантических типов...»² Например: Дело было во время войны. Я лежал в госпитале, в просторной горнице деревенского дома, а дом тот стоял на берегу озера, недалеко от Минска. Рядом со мною лежал раненый танкист, старшина Иван Фирсович Силин. Он был ранен в грудь навывлет... (А. Платонов). Последнее предложение в данном контексте выражает квалификативную ситуацию.

Кваликативные высказывания характеризуют признаки и свойства предмета (субъекта предложения), присущие ему по его природе, раскрывающие характер его существования: А зори здесь были тихими-тихими (Б. Васильев). Аспектуальная характеристика в квалификативных высказываниях, как и в прочих экзистенциальных, проецируется не столько на предикат, сколько на субъект, который раскрывается в имманентных для него признаках и свойствах. Длительность, непрерывность или кратность проявления признаков и свойств предмета представляют собой естественные условия его неизменного существования, ср.: А зори здесь всегда (до сих пор/иногда) были тихими-тихими.

«Акт идентификации устанавливает тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов и т. п.»³ Идентификативные высказывания характеризуются равнообъемностью значений подлежащего и сказуемого⁴. Например: — Я, говорит, и есть сват Андрей. А ты Барахвостов, что ли? (В. Белов). Устанавливаемое при идентификации тождество субъекта и предиката предполагает определенность предмета, что в языках, имеющих артикль, выражается с помощью опре-